

Ф И Л О Л О Г И Я

УДК 82

РОМАН К. РЕЙТЕРА «ШЕЛЬМУФСКИЙ» И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНУЮ ЛИТЕРАТУРУ XVIII – XIX ВВ.

© 2014 г.

С.В. Гусева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

guseva-2002@bk.ru

Поступила в редакцию 11.12.2012

Рассматривается влияние романа К. Рейтера «Шельмуфский» на немецкоязычную литературу XVIII – XIX вв. Й. Страницкий в пьесе «Описание веселого путешествия из Зальцбурга в различные страны» использует в образе Гансвурта черты характера Шельмуфского. Гейдельбергские романтики интерпретировали образ главного героя романа К. Рейтера с позиций романтической теории, показав романтическую сущность героя на фоне состояния общества начала XIX века.

Ключевые слова: немецкая литература XVIII–XIX вв., немецкие романтики, литература о глупцах, плутовской роман, мотив дороги, карнавальная архетип дурак – шут – плут.

Роман К. Рейтера «Шельмуфский» (Chr. Reuter. Schelmuffsky, 1796–1797) оказал существенное влияние на немецкоязычную литературу. Многие образы, мотивы, стиль и сюжетные линии «Шельмуфского» стали основой для произведений других немецких писателей. Неоднозначный образ главного героя, созданный и воплощенный в жизнь К. Рейтером, давал возможность различных литературных интерпретаций. «Шельмуфский» К. Рейтера был интересен тем, что в нем соединилось множество культурно-литературных традиций (карнавальные мотивы, «дурацкая литература»).

Одним из первых на роман К. Рейтера обратил внимание Йозеф Антон Страницкий, написавший пьесу «Описание веселого путешествия из Зальцбурга в различные страны» (Josef Anton Stranzky. Lustige Reyß-Beschreibung aus Saltzburg in verschiedene Länder, 1717). Книгу К. Рейтера «Шельмуфский» и комедию Й. Страницкого «Описание веселого путешествия из Зальцбурга в различные страны» объединяет общий тип главного героя – вралю, лгуна и мнимого путешественника. Шельмуфский К. Рейтера – рассказчик историй о своих вымышленных путешествиях, как и «деревенский паренек» Й. Страницкого.

Й. Страницкий, следуя традиции К. Рейтера, наделяет своего героя говорящим именем. Шельмуфский – это полонизированная фамилия, образованная от нем. Schelma – ‘плут’; у Й. Страницкого Гансвурст – от нем. Hanswurst – ‘шут,

балагур, паяц’, букв. ‘Ванька-колбаса’ [1, с. 134].

В сюжетах двух произведений наблюдаются параллельные линии повествования. Герой К. Рейтера отправляется в путешествие во второй главе первой части романа, персонаж Й. Страницкого – во втором действии. Во время своих странствий герои мечтают как можно быстрее вернуться домой богатыми и знаменитыми и очень тоскуют по дому.

Рейтер:

«Наверно, раз десять тянуло меня вернуться и остаться у госпожи моей матушки» [2, с. 19].

Страницкий:

«Чем дальше я уезжал, тем больше мне хотелось вернуться к Рипелю» [3, с. 6].

Драматург заимствует у К. Рейтера не только образ главного героя, но и маршрут вымышленных путешествий, который насыщен географическими названиями существующих и несуществующих стран и городов.

Рейтер:

«Пожалуй, могу признаться, что если бы я, проведя столько лет в Швеции, сколько в Голландии, да еще в Англии, и к тому же целых четырнадцать дней в Индии, а кроме того, пошатавшись почти по всему белому свету, так много перевидавший, испытавший, претерпевший, рассказал обо всем, то у людей от этого увяли бы уши» [2, с. 9–10].

Страницкий:

«Мои путешествия начались с улицы моего покровителя Рипеля, затем по короткой дороге

мне удалось добраться из Зальцбурга до Москвы, после этого я отправился в Тироль, из Тироля в Швецию (...) попал в Голландию, из Голландии я пошел в Вестфалию, откуда по маленькой ровной улице добрался до Италии, затем побывал в Богемии и Турции (...) и это не заняло даже дня моих странствий» [3, с. 4].

Существует еще несколько параллелей между текстом К. Рейтера и «Описанием веселого путешествия из Зальцбурга в различные страны», указывающих на влияние романа «Шельмуфский» на произведение Й. Страницкого. В речи обоих персонажей встречается много общих описаний путешествий и подробностей действий героев.

Рейтер:

«Мы отплыли из Стокгольма как раз в то время, когда начали созревать вишня и виноград. Проклятие! Какая теснота и давка царили на судне от такой уймы людей!» [2, с. 60].

Страницкий:

«После того как я покинул холодную Москву, мир лежал у моих ног. Я посетил благородный Тироль, вскоре оказался в Швеции и именно в Стокгольме я отведал прекрасную раннюю гроздь винограда» [3, с. 9].

«Путешествуя» по Индии, герой К. Рейтера пытается поймать огромного кита на маленькую удочку: «У одного из матросов была удочка, я взял ее и попытался подсесть одного из китов прямо с корабля, и это, черт возьми, удалось мне, если бы только удочка не разломилась на кусочки, ибо, когда кит клюнул и я крепко потянулся назад, дрянь эта треснула пополам, и часть ее с крючком застряла в пасти кита, отчетливо он несомненно сдох» [2, с. 76].

В комедии Й. Страницкого Гансвурт рассказывает о похожем случае: в Лапландии он на удочку с «маленькой лягушкой» якобы поймал огромного кита.

Однако вышеприведенные сравнения не позволяют говорить о том, что своего комедийного героя Гансвурста из «Описаний веселых путешествий из Зальцбурга в различные страны» Й. Страницкий полностью скопировал с героя К. Рейтера. Отличие героя драматического произведения от романного образа в следующем: К. Рейтер представляет свой роман как мемуары героя, поэтому Шельмуфский раскрывается перед читателем через свои вымышленные истории. Только нелепости и нестыковки в его словоизъявлениях позволяют более или менее объективно оценить этот образ. Авторской рефлексии и оценки со стороны других лиц в романе нет, а если они и приводятся, то только опосредованно, через восприятие героя.

Драматург, раскрывая характеры своих персонажей, использует не только монологи и диалоги главного действующего лица, но и авторские ремарки, речь других персонажей. В то же время Й. Страницкий не задавался целью найти центральный образ, который бы содержал в себе сатиру на современное ему общество: основная цель образа Гансвурста – веселить зрителей.

Й. Страницкий не единственный писатель, увлекшийся «Шельмуфским» К. Рейтера. Особое внимание на роман К. Рейтера обратили немецкие романтики, особенно гейдельбержцы.

Одна из характерных черт романтизма – тяга и любовь ко всему старинному, особенно если старина приукрашена местным фольклорным колоритом. Гейдельбергские романтики увлекались собиранием старинных легенд, сказок, интересовались книгами забытых авторов XVII в. Так, благодаря братьям Гримм, были «воскрешены» «Симплициссимус» и «Пройдоха Кураж» Гриммельсгаузена. Они заинтересовались анонимным романом «Шельмуфский» (в первой половине XIX в. автор был неизвестен, поскольку произведение было подписано псевдонимом Хилариус) и переиздали его, следуя нормам немецкой грамматики XIX столетия.

Ахим фон Арним и Клеменс Брентано также обратили внимание на произведение К. Рейтера. Влияние «Шельмуфского» на мировоззрение и художественное мышление обоих романтиков неоспоримо. В переписке между собой они используют типичные «шельмуфианские словечки»: «O, sapperment» (проклятие); «der Tebel hohl mer» (черт возьми)». Брентано и Арним приветствуют друг друга словами «Bruder Graf» (брат граф) – обращение Шельмуфского к господину графу.

В своих письмах писатели пророчат «Шельмуфскому» большое литературное будущее. В письме А. фон Арниму К. Брентано пишет о своем намерении создать цикл рассказов – одиннадцать историй о часовщике Богсе, действие которых разворачивается во время наполеоновского господства. Часовщик после скитаний «на воде и суше» мечтает попасть в знатное общество. Оказываясь в опере, он попадает под волшебные чары голоса певицы, представляя, что он, как Шельмуфский, сидит при дворе Великого Могола и наслаждается дивным пением.

«<...> в обеденный зал вошла личная певица Великого Могола с индийской лирой, висевшей у нее на боку. Как великолепно, проклятие, пела эта бабенка и как искусно аккомпанировала себе на лире; ничего, черт возьми, более прекрасного я не слышал в жизни!» [2, с. 83].

Выражая крайнее восхищение, часовщик Богс использует экспрессивную лексику Шельмуфского: «проклятие», «черт возьми».

К. Brentano, бесконечно восхищаясь романом «Шельмуфский», в своем художественном мышлении постоянно прорабатывал сюжет сочинения К. Рейтера. Так, в письме А. фон Арниму К. Brentano упоминает о своих планах переделать немецкий народный шванк о медвежьей шкуре, превращающейся в молодого ландскнехта. Приведем фрагмент письма К. Brentano от 8 апреля 1808 г.:

«Мой дорогой брат! Вчера я обратился к источнику шванка о медвежьей шкуре и решил переработать его. В этой комической истории я решил использовать элементы романа «Шельмуфский» <...> Краткое содержание заключается в следующем: медвежья шкура – это ландскнехт. Он заключил сделку с дьяволом, что не будет мыться, бриться, стричься, а будет ходить непричесанным целых семь лет. В награду за это он получит в жены дочь богатого и знатного аристократа. Днем он был медведем, а ночью превращался в человека и вешал шкуру над своей кроватью. И вот однажды ночью в супружеской постели его молодая жена, испугавшись ночного кошмара, начала кричать: «Ой, ой, крыса, держите крысу!» Женщина разбудила весь дом, но крысу так и не нашли, потому что она прошмыгнула в ту щель в шелковом платье, в которую когда-то юркнула крыса матушки Шельмуфского!» [4, с. 447–479].

В данном фрагменте К. Brentano ссылается на знаменитую историю рождения «высокородного» господина фон Шельмуфского, из-за крысы появившегося на свет раньше положенного срока. Кроме того, герои К. Brentano употребляют фразы, характерные для героя К. Рейтера: «die sappermentsche Ratte zu erwischen» («поймайте проклятую крысу»).

А. фон Арним в своей статье «Шуточный смех в подражании святому», напечатанной в «Газете для отшельников», «господина фон Шельмуфского» называет святым, а историю о крысе – «центром великолепной биографии странного немецкого полубога Шельмуфского» [5, с. 317]. Позже в письме к Клеменсу Brentano он делится планами переиздания романа К. Рейтера, настаивая на включении в него иллюстраций.

Мечта о переиздании «Шельмуфского» у А. фон Арнима переросла в создание сборника новелл «Зимний сад» (Der Wintergarten, 1809) с подзаголовком «Новеллы Людвиг Ахима фон Арнима». Книга содержит одиннадцать новелл с переработанными сюжетами из фольклора и народного литературного творчества. В сборник вошли истории о войне, чередующиеся с при-

ключенческими путешествиями, шванками и анекдотами.

В новелле «Три круглых дурака (дурня)» (Die drei ärgsten Erznarren, 1809) один из главных героев – Шельмуфский.

Во время тридцатилетней войны богатый феодал решает построить замок, но умирает до окончания строительства. Феодал оставляет завещание в пользу своего младшего брата Флоренса. Необходимым условием получения наследства является соблюдение всех тонкостей строительства замка, в том числе обустройства круглого зала с тремя дверьми, над которыми будут висеть три портрета великих дураков, но «никто не мог сказать определенно, какими именно были в огромной дурацкой школе мира эти три важных глупца» [5, с. 382]. Флоренс, взяв с собой попутчика, отправляется на поиски трех знаменитых глупцов. В одном из дворов Гамбурга происходит встреча с героем, «любезно» рассказавшим свою историю от рождения до сегодняшнего дня. Этот герой, конечно, Шельмуфский. В отличие от героя К. Рейтера, Шельмуфский А. фон Арним действительно объездил весь свет, он – истинный путешественник. А. фон Арним скопировал у К. Рейтера не только образ главного героя, но и основные мотивы произведения. При анализе новеллы А. фон Арнима мы опирались на элементы теории хронотопов М. Бахтина. Конечно, жанровая специфика текста новеллы А. фон Арнима (в отличие от романа «Шельмуфский») не допускает полного наложения бахтинской типологии, но наиболее значимые моменты (авантюрное время, специфическая логика случая, мотивы изгнания, встречи, мнимой смерти; появление неожиданного друга) вполне достаточны, на наш взгляд, чтобы именовать новеллу плутовской, основывающейся на авантюрном хронотопе.

Кроме того, образ Шельмуфского А. фон Арнима можно отнести и к «дурацкой литературе». В литературе Средневековья и Возрождения фигуры дурака, шута и плута имели большое значение. Именно такого рода фигурой является Шельмуфский, выступающий в роли рассказчика о своих приключениях. Особенности образа Шельмуфского у А. фон Арнима – чуждость миру – открывается с первой встречи читателя с героем: попутчик Флоренс обнаруживает Шельмуфского в лохмотьях, со шпагой на боку, лающим из собачьей конуры.

«Сначала он подумал, что это был вор, но пришел хозяин с фонарем и объяснил ему, что это честный, но бедный глупец» [5, с. 383].

Это положение «не от мира сего» подтверждается рассказом героя о своем необычном рождении (из-за крысы), юности и походе-

ях. А. фон Арним так же, как К. Рейтер, изображает рождение героя в аспекте шутовского цинизма и гротескной фантастики.

«Когда большая крыса, которая прогрызла совсем новую шелковую одежду моей матери, никем от страха не была убита, так как неожиданно убежала в дыру, честная женщина впала из-за этой неприятности в такую болезненность и бессилие, что пролежала так двадцать четыре дня и не могла ни шевельнуться, ни повернуться. Я же, который тогда еще мира ни разу не видел, был из-за чертовой крысы так глуп, что немедленно пробрался в мир на всех четырех. Когда же я на свет появился, то полных восемь дней лежал под ногами моей госпожи матери в кроватной соломе, прежде чем однажды задумался, где я был» [5, с. 385].

Младенчество Шельмуфского сходно с младенчеством Гаргантюа и Пантагрюэля, их детство отмечено гиперболизированным взрослением. Едва родившись, герой К. Рейтера жаждет познать как можно больше и разговаривает с «госпожой своей матушкой» на языке взрослых, а не бессвязным детским лепетом.

«Госпожа моя Мать, Вы не бойтесь, я не крыса, а Ваш любимый сын, я не виновен в том, что я так преждевременно прибыл в мир, крыса виновата» [5, с. 386].

Как и К. Рейтер, А. фон Арним окружает своего героя стихией карнавала. И на этом карнавале жизни Шельмуфский – король дураков. За рассказы об этом удивительном рождении и раннем и затянувшимся отрочестве его сажают на единственный бархатный стул (метафора шутовского трона) на импровизированном балу, а при дворе Великого Могола ему отдаются королевские почести (двумястами барабанщиками и девятью девятью трубачами). Подобная трактовка образа – своего рода метафорическое карнавальное действие, изображающее царя и бога, с одной стороны, дурака и шута – с другой. Отсюда вытекает и неприкосновенность шутовского слова, поэтому оба Шельмуфских – и К. Рейтера, и А. фон Арнима, подобно карнавальным шутам, постоянно ругаются одними и теми же словами («O Sapperment», «der Tebel hol mer»). М. Бахтин в работе «Формы времени и хронотопа в романе» характеризует иносказательность образа как разоблачение всякой конвенциональности, ложной условности во всех человеческих отношениях [6, с. 311 – 312]. Ни одно из положений этого мира не может устроить подобного героя, он видит изнанку каждого и тут же ее обнаруживает, пользуясь правилами поведения шута. Герой А. фон Арнима так же, как и герой плутовского романа, проходит через бытовую сферу частной жизни, но остается не-

причастен к ней: Шельмуфский лишь наблюдает, устремляясь своей «дорогой по большому миру».

Мотив дороги – определяющий мотив новеллы, обладающий широким кругом значений. По типологии М. Бахтина это место случайных встреч. На дороге пересекаются в одной временной и пространственной точке пути различных персонажей – представителей всех сословий, состояний и вероисповеданий: Флоренс и Шельмуфский, Шельмуфский и господин граф, Шельмуфский и два испанских дворянина, Шельмуфский и Великий Могол. В жизни они разделены социальной и пространственной реальностью, дорога сталкивает и переплетает их судьбы. Кроме того, у А. фон Арнима мотив дороги имеет двойной смысл. С одной стороны, это путешествие по миру в поисках дурака, а с другой – путешествие дурака в поисках мира. Дорога в новелле – своеобразная метафора жизненного пути. Герой, проходя свой жизненный путь, испытывает и взлеты, и падения. Из знатного вельможи при дворе Великого Могола герой превращается в нищего, живущего в собачьей конуре и мечтающего о том, чтобы вновь отправиться к Великому Моголу. В новелле встречаются своеобразные метаморфозы: превращения богача в бродягу, бродяги – в богача, дурака – в святого. Последняя метаморфоза, на наш взгляд, логическое завершение путешествий героев и их поиска «глупцов». Метафора конца произведения относится не только к Шельмуфскому, но и к Флоренсу и его попутчику, именно их три портрета и должны украсить зал.

Несмотря на то что А. фон Арним в своей новелле «Шельмуфский» строго следовал содержанию первой части романа К. Рейтера, в образе его Шельмуфского мы наблюдаем полное отсутствие доблести и чести, скорее, он вызывает у читателей сочувствие. Флоренс встречает Шельмуфского в собачьей конуре, предоставленной ему трактирщиком, так как жившая там дворняга недавно издохла. Шармант, возлюбленная Шельмуфского, утонувшая в романе К. Рейтера, у А. фон Арнима здравствует и не желает знать бедного, оборванного «славного парня, в глазах которого светится что-то необыкновенное». Герой А. фон Арнима надеется, что все-таки кто-нибудь подарит ему приличную одежду и это позволит ему вновь отправиться к Великому Моголу.

А. фон Арним предполагал, что те, кому симпатичен образ Шельмуфского, не поймут его героя. По этому поводу он пишет К. Брентано:

«Дорогой Клеменс, ты получил мой сборник «Зимний сад», должно быть, ты осудишь меня за столь неприглядное истолкование образа

Шельмуфского, но он кажется мне особенно правдивым на фоне разрухи после Тридцатилетней войны. Истинные почитатели Шельмуфского проклянут меня и мою память» [7, с. 311].

Но, вопреки авторскому ожиданию, критики к его новелле «Шельмуфский» оказались крайне благосклонны. Высокую оценку сборнику дали И. Ф. Гете и В. Гримм.

К концу 1809 г. А. фон Арним и К. Brentano, связанные тесной дружбой, переезжают в Берлин. Берлинский период творчества стал наиболее плодотворным для обоих романтиков. А. фон Арним преуспевает в своей поэтической и прозаической деятельности, а К. Brentano пишет сатиру на филистерство «Филистер в прошлом, настоящем и будущем» (1809). В ней писатель выделяет шестнадцать тезисов, по которым можно определить истинного обывателя. Одним из тезисов, по которому можно узнать настоящего филистера, является непонимание им романа «Шельмуфский»: «Имеется еще одна проблема у настоящего филистера в том, что он не может понять «синьора фон Шельмуфского». Вместо того чтобы, читая текст «путешествия на воде и суше», наслаждаться романтическим миром Шельмуфского, он пытается обличить героя в непристойной лжи. Узколобый обыватель просто не может понять, что такое «свобода духа» [4, с. 118].

Таким образом, влияние романа К. Рейтера «Шельмуфский» на творчество немецкоязычных писателей неоспоримо. Й. А. Страницкий в своей пьесе «Описание веселого путешествия из Зальцбурга в различные страны» использует отдельные черты образа рейтеровского героя (речь, некоторые черты характера и др). Но в образе Гансвурта в комедии Страницкого нет глубокого социального анализа действительности, функция героя в том, чтобы развлекать зрителей, а не обличать пороки общества. Благода-

ря гейдельбергским романтикам книга К. Рейтера не только сохранилась до наших дней (текст романа был адаптирован к немецкому языку XIX в. и переиздан братьями Гримм), но и обрела новый идейный смысл. К. Brentano и А. фон Арним активно использовали это произведение в своем художественном творчестве. Они смогли интерпретировать образ Шельмуфского и придать ему оригинальность. А. фон Арним в новелле «Зимний сад», опираясь на сюжет романа К. Рейтера, придал известному образу новое толкование. К. Brentano, намереваясь использовать образ заносчивого лгуна в своих произведениях, романтизировал его. Если герой К. Рейтера – это прежде всего сатира на немецкое общество конца XVII столетия, то Шельмуфский гейдельбержец – романтический герой, не понятый обывателями. «Фон Шельмуфский» для романтиков – не лгун, а мечтатель, подобно романтическому герою придумавший себе ирреальный мир, где есть место подвигам, «галантности» и «свободе духа».

Список литературы

1. История западноевропейского театра / Под ред. С.С. Мокульского. М.: Искусство, 1956. Т. 1. 508 с.
2. Рейтер К. Шельмуфский. М.: Наука, 1972. 212 с.
3. Stranzky J.A. Lustige Reyß-Beschreibung aus Salzburg in verschiedene Länder. Weine, 1883. Bd. 6. 289 S.
4. Brentano C. Gesammelte Schriften. Tübingen. 1983. Bd. 6. S. 447–479.
5. Arnim L.A. von. Die Erzählungen und Romane. Berlin: Ritten und Loening, 1981. 361 S.
6. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 500 с.
7. Arnim L.A. von. Briefwechsel 1802–1804. Tübingen: Hist.-krit. Ausgabe, 2004. Bd. 31. 457 S.

CHRISTIAN REUTER'S NOVEL «SCHELMUFFSKY» AND ITS INFLUENCE ON GERMAN-LANGUAGE LITERATURE OF THE 18th – 19th CENTURIES

S. V. Guseva

We consider the influence of Christian Reuter's novel «Schelmuffsky» on German-language literature of the 18th – 19th centuries. J. Stranzky in his play «Description of a joyful trip from Salzburg to different countries» uses some traits of Schelmuffsky's character when depicting his own character, Hanswurst. The Romantics of Heidelberg interpreted the main hero's character of Reuter's novel from the positions of the romantic theory, showing the romantic nature of the hero against the social life's background of the early 19th century.

Keywords: German literature of the 18th – 19th centuries, German Romantics, literature about fools, picaresque novel, motif of the road, carnival archetype «fool – jester – picaresque».

References

1. Istorija zapadnoevropejskogo teatra / Pod red. S.S. Mokul'skogo. M.: Iskusstvo, 1956. T. 1. 508 s.
2. Rejter K. Shel'mufskij. M.: Nauka, 1972. 212 s.
3. Stranzky J.A. Lustige Reyß-Beschreibung aus Saltzburg in verschiedene Länder. Weine, 1883. Bd. 6. 289 S.
4. Brentano C. Gesammelte Schriften. Tübingen. 1983. Bd. 6. S. 447–479.
5. Arnim L.A. von. Die Erzählungen und Romane. Berlin: Ritten und Loening, 1981. 361 S.
6. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 500 с.
7. Arnim L.A. von. Briefwechsel 1802–1804. Tübingen: Hist.- krit. Ausgabe, 2004. Bd. 31. 457 S.